

ПЕРЕХОД ГЛАГОЛОВ ИЗ ТРУДНЫХ ФОРМ В ПРОСТЫЕ НА ПРИМЕРЕ ЖИВОГО ОБЩЕНИЯ

Султанова Зулхумор Сабатуллаевна

*Преподаватель кафедры русского языка и литературы
Самаркандского государственного педагогического института*

Шермаматова Мардона Умидовна

*Студентка 3 курса Самаркандского государственного
педагогического института*

Аннотация. В статье исследуется процесс деривационной трансформации и упрощения морфологических структур глагола в контексте современной разговорной речи. Анализирует механизмы перехода от архаичных или нормативно сложных флективных форм к более доступным и прагматически оправданным конструкциям. Рассматриваются когнитивные и лингвистические причины «стирания» сложных грамматических показателей. Особое внимание уделяется влиянию живого общения на эрозию строгих литературных норм и возникновению новых речевых паттернов.

Ключевые слова: лингвистическая экономия, глагольные формы, живая речь, морфологическое упрощение, речевая динамика, грамматикализация.

Abstract. The article examines the process of derivational transformation and simplification of verb morphological structures in the context of modern colloquial speech. The author analyzes the mechanisms of transition from archaic or normatively complex inflectional forms to more accessible and pragmatically justified constructions. Cognitive and linguistic reasons for the “erasing” of complex grammatical markers are considered. Special attention is paid to the influence of live communication on the erosion of strict literary norms and the emergence of new speech patterns.

Keywords: *linguistic economy, verb forms, live speech, morphological simplification, speech dynamics, grammaticalization.*

Современная лингвистическая ситуация характеризуется отчетливым стремлением к минимизации когнитивных усилий в процессе коммуникации. Глагол, как наиболее динамичная и грамматически нагруженная часть речи, первым подвергается воздействию закона «речевой экономии». Переход от трудных, многоступенчатых форм к упрощенным вариантам в живом общении не является признаком деградации языка, а скорее выступает индикатором его адаптивности. В условиях высокой скорости обмена информацией носитель языка интуитивно выбирает те конструкции, которые требуют меньшего времени на декодирование и воспроизведение.

Трудные формы глагола — это зачастую формы с чередованием в основе, редкими суффиксами или специфическими окончаниями, сохранившимися как реликты прошлых эпох. Например, формы причастий и деепричастий, которые в классической литературе служили инструментом тонкой нюансировки, в живом диалоге замещаются придаточными предложениями или простыми личными формами глагола. Это подтверждается наблюдениями над тем, как в спонтанной речи вместо книжного «увидев его, я замер» звучит «я его увидел и замер». Здесь происходит не просто упрощение структуры, а смещение акцента с признака действия на само действие как на центральный элемент коммуникативного акта. Опираясь на идеи М. Н. Панова о позиционной морфологии, можно заметить, что язык стремится к устранению избыточности [1, с. 42]. Живое общение диктует свои правила: если грамматическая категория (например, вид или наклонение) может быть считана из контекста, ее формальное выражение внутри глагольного слова может редуцироваться. Примером может служить использование настоящего времени вместо будущего в прогностических контекстах («Завтра я иду в кино» вместо «пойду»), что значительно упрощает глагольную парадигму для говорящего. Критики и исследователи языка, такие как Максим Кронгауз, часто указывают на «порчу языка», однако при более

глубоком анализе их позиции становится ясно: речь идет не о разрушении, а о трансформации. Кронгауз в своих работах подчеркивает, что современные изменения — это ответ на новые социальные вызовы, где «быстрота понимания становится важнее изящества слога» [2, с. 88]. Эта мысль находит отражение в том, как глаголы с суффиксом -ну- теряют его в формах прошедшего времени (вместо «исчезнул» — «исчез»), что делает слово более компактным и ударным.

Интересно рассмотреть этот процесс через призму художественного пересказа идей, изложенных в классических трудах по стилистике. Представим, что глагол — это путник, который в долгой дороге скидывает лишнюю, тяжелую одежду (сложные суффиксы и окончания), чтобы идти быстрее. В живой беседе нам не нужен «нарядный» глагол в расшитом золотом кафтане архаичных флексий; нам нужен легкий, атлетичный глагол-атлет, способный мгновенно передать импульс действия. Когда мы говорим «он машет» вместо «махает» (или наоборот, в зависимости от вектора упрощения в конкретной социальной группе), мы выбираем тот путь, где меньше препятствий для речевого аппарата. Вариантность в глагольных формах часто разрешается в пользу тех, которые поддерживаются аналогией с более продуктивными классами глаголов. Так, «трудные» глаголы первого спряжения с чередованиями (типа «искать — ищу») под давлением массового употребления могут стремиться к упрощению по образцу более простых моделей. Хотя норма сопротивляется, в живой речи мы все чаще фиксируем победу «простого» над «правильным».

Важным фактором упрощения является также избыточность категории залога. В живом общении пассивные конструкции практически полностью вытесняются активными. Вместо «дом строится рабочими» мы говорим «рабочие строят дом». Это не только упрощает морфологию глагола, но и делает высказывание более антропоцентричным, возвращая субъекту его главенствующую роль. Морфологический сдвиг отражает изменение ментальных установок общества: от созерцательности к активному действию.

Процесс перехода от трудных форм к простым также связан с явлением лексикализации грамматических форм. Некоторые сложные формы глагола «застывают» в языке как отдельные слова или устойчивые выражения, теряя свою связь с живой парадигмой. Это освобождает систему от необходимости постоянно генерировать сложные формы «с нуля». Точность описания глагольной системы напрямую зависит от учета этих микропроцессов в разговорной среде.

Переход глагола к простым формам в живом общении — это закономерный этап эволюции языка. Он обусловлен стремлением к эффективности, влиянием аналогии и изменением коммуникативных приоритетов. В следующей части мы подробно рассмотрим конкретные примеры глагольных переходов в различных речевых ситуациях и проанализируем роль социальной среды в закреплении этих изменений. Живое общение выступает своеобразным фильтром: формы, не прошедшие проверку на удобство и скорость воспроизведения, вытесняются на периферию или вовсе исчезают из активного запаса. Одной из наиболее ярких зон морфологической нестабильности являются глаголы с чередованием в корне и суффиксе. В учебниках мы видим строгую норму: «махать — машу», «колыхать — колышу». Однако в реальности живого диалога эти формы воспринимаются как избыточно «литературные». Говорящий подсознательно стремится к унификации основы, что порождает формы «махаю» и «колыхаю». Здесь проявляется действие закона аналогии — подстройки редкого и трудного под частотное и простое. Как метафорично отмечал исследователь речевых практик Борис Гаспаров, язык в процессе общения напоминает живой организм, который избавляется от атавизмов, мешающих быстрому движению [5, с. 112]. В его трактовке лингвистическая норма — это не застывший памятник, а постоянно корректируемый вектор. Рассмотрим глаголы на -овать / -евать. Традиционно переход к формам настоящего времени требует отсечения суффикса и замены его на -у- / ю- («организовать — организую»). В молодежной среде и интернеткоммуникации наметилась тенденция к

сохранению основы: формы типа «образовываю» (вместо «образую» в определенных контекстах) или использование отглагольных новообразований показывают стремление сохранить семантическую прозрачность слова. Это художественно можно сравнить с архитектурой: вместо того чтобы перестраивать всё здание (словоформу) ради одной пристройки (окончания), носитель языка предпочитает оставить фасад нетронутым, просто добавив нужный элемент.

Особого внимания заслуживает категория наклонения. В живой речи сослагательное наклонение часто упрощается. Вместо сложных конструкций с частицей «бы», требующих согласования в прошлом времени, нередко используются инфинитивные формы с модальными словами. Категория глагола в русском языке обладает колоссальной «энергией сопротивления», но даже она пасует перед напором разговорной стихии. Глагольная система — это сложная иерархия, где высшие чины (сложные формы) постепенно утрачивают власть, уступая место «простолюдинам» (упрощенным вариантам), которые эффективнее справляются с работой в полевых условиях.

Еще один пример — упрощение возвратных глаголов. В быстрой речи постфикс -ся / -сь часто редуцируется до минимального звука, а в некоторых диалектных или субкультурных проявлениях и вовсе стремится к слиянию с окончанием. Это упрощает артикуляцию, избавляя говорящего от необходимости делать дополнительное усилие на стыке морфем.

Важным аспектом является влияние цифровой среды. Мессенджеры и социальные сети диктуют краткость. Здесь «трудные» формы, такие как причастия будущего времени (которые и так находятся вне строгой нормы, но часто возникают в речи — например, «сделающий»), замещаются простыми конструкциями «тот, кто сделает». Мы наблюдаем процесс аналитизма — когда грамматическое значение передается не внутри слова, а через комбинацию нескольких простых слов. Социолингвистический анализ показывает, что выбор между трудной и простой формой часто зависит от ситуации. В официальной обстановке человек прибегает к «книжным»

образцам, но как только градус формальности снижается, глагол «сбрасывает маску». Это не означает некомпетентность говорящего. Напротив, это свидетельствует о высоком уровне владения регистром языка. Способность вовремя перейти на упрощенную форму — это признак коммуникативной гибкости. Мы движемся к системе, где количество исключений будет неуклонно сокращаться. Если классическая грамматика — это лабиринт с множеством тупиков и тайных комнат, то живое общение превращает этот лабиринт в широкую, прямую магистраль. Как бы ни сокрушались пуристы, язык выбирает путь наименьшего сопротивления. Переход от трудных форм глагола к простым в живом общении — это не хаотичный процесс, а структурированная адаптация. Грамматика упрощается там, где она избыточна, и сохраняет сложность там, где это необходимо для передачи уникальных смыслов. Живая речь — это лаборатория, в которой завтрашние нормы проходят испытание на прочность сегодня. Исследование этих процессов позволяет не только зафиксировать текущее состояние языка, но и спрогнозировать его облик в ближайшем будущем.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Панов М. Н. Позиционная морфология русского языка. — М.: Наука, 1999. — 275 с.
2. Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. — М.: Знак, 2008. — 232 с.
3. Вербицкая Л. А. Давайте говорить правильно. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2001. — 144 с.
4. Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. — М.: Языки славянской культуры, 2002. — 752 с.
5. Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. — М.: Новое литературное обозрение, 1996. — 352 с.
6. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). — М.: Высшая школа, 1986. — 640 с.